

Монолог первый —
заведующей
Музеем-квартирой
Галины СЕДОВОЙ

— Трудно сказать, в каком состоянии уезжал он в тот свой последний день на Черную речку. Даже нам трудно — тем, кого вы называете хозяйками этого дома. Мы не хозяйки — мы только хранители. Мы хотим сохранить для тех, кому дороги Пушкин и наша национальная культура, хотя бы крохи того, что дошло до нас, что пытались сберечь когда-то друзья поэта. Как Вяземский, который привез в свой дом стол, кресло, специально заказал футляр, где хранит жилет поэта и перчатку, парную той, что бросил в гроб Пушкину. Истоки хранения берут начало оттуда.

Поскольку мы только храним, мы не можем вторгаться в личную жизнь Пушкина настолько, чтобы реконструировать душевный настрой его в тот трагиче-

«ЕСТЬ ПРИЗНАК МЕСТА, ВЫРАЖЕННЫЙ БОЛЬЮ»

Монолог Гетони. — Таллинн. — 1990. — 10 февраля
Два монолога, записанных в Музее-квартире А.С.Пушкина, на Мойке, 12, в канун 153-й годовщины гибели поэта.

ский январский день. Но какие-то косвенные свидетельства есть. Известно, что сын сенатора Лубяновского увидел поэта в тот день в веселом расположении духа. Пушкин направлялся в кондитерскую Вольфа и Беранже. И знакомый решил, что, не дожидаясь завтрака дома, поэт решил позавтракать у Вольфа. Это было обычно, прилично и не могло стать показателем особого душевного волнения.

*

**Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.**

**Надолго ли!.. а кажется прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений.**

Монолог второй —
старшего научного
сотрудника
Музеев-квартиры
Татьяны СТАРКОВОЙ

— Кажется, ничто в поведении Пушкина не предвещало трагического исхода того январского утра. И все же что-то не свойственное ему в тот час произошло. Закончив писать письмо детской писательнице Ишимовой (последнее, что было на-

писано рукой Пушкина), поэт оделся во все чистое и вышел на набережную. Дул холодный ветер, шел снег, а Пушкин знал, что ему предстоит поездка за город, и — вернулся, хотя был суеверен. Из воспоминаний современников, их свидетельства мы знаем, как серьезно относился Пушкин к приметам. И вдруг — вернулся, что уже было дурным предзнаменованием. Воротился, приказал, чтобы подали большую медвежью шубу, оделся и снова вышел...

*

**Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих.
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнюю порой.**

Монолог первый
(продолжение)

— Любви общественной не бывает. И очень горько, когда мы по-прежнему говорим о любви всенародной к кому-то, к чему-то, о том, что к Александру Сергеевичу по-прежнему «протаптывается» эта самая «тропа».

Думаю, что всенародная любовь — это понятие, которое возникло в те времена, когда всеобщее поклонение было обращено к «великому и мудрому», и нужны были еще какие-то идолы, которым следовало молиться. Только они должны были быть не в реальной жизни, а где-то подальше, в истории, иначе это было бы просто странно, что «он» словно бы один...

Увы, к глубочайшему моему сожалению, выбран был Пушкин. Полагаю, что шумиха вокруг его имени, которая началась в тридцатые годы, принесла Пушкину немало вреда. Кто-то, боясь всенародных празднеств, «протопанной тропы», не идет по ней, ему хватает томика любимых стихов.

А характер поэта? Если бы Пушкин был правильным для всех его окружавших, он не был бы Пушкиным. Все неровности и шероховатости его природы как раз связаны с тем, что он был творческим человеком, и это понимали далеко не все, не понимали, порой, очень близкие друзья. Иван Пущин говорил, что Пушкина надо или не принимать, или принимать целиком, таковым, каков он есть. Но, естественно, — когда живешь с человеком рядом, то простить сложность характера только по-

тому, что он гений и стихи его останутся навсегда, — на такое способен не каждый. Быть другом гения — тяжелый труд. Впрочем, дружить Пушкин умел. Умел прощать, умел слушать. Только после его смерти Вяземский вынужден был признать — Пушкин не был понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и людьми близкими. «Признаюсь в том, — говорил он, — и прошу прощения у его памяти». **Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит — Летят за днями дни, и каждый час уносит Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем Предполагаем жить... И глядь — как раз — умрем. На свете счастья нет, но есть покой и воля. Давно завидная мечтается мне доля — Давно, усталый раб, замыслил я побег В обитель дальную трудов и чистых нег.**

Монолог второй
(продолжение)

— Исторически так сложилось, что после смерти Пушкина здесь, в последней его квартире, обитало множество разных людей. И от прежней обстанов-

ки до наших дней практически ничего не дошло. Сейчас экспонируются предметы, которые бережно хранились у друзей и знакомых поэта. То, что видит сегодня посетитель, собрано стараниями и энергией многих поколений пушкинистов, и этот дом для нас — не комнаты и собранные в них реликвии, даже не любимый какой-то уголок в нем, а то пространство, которое заключено в его стенах, пространство, в котором Пушкин жил, писал, откуда отправился защищать свою честь, честь семьи, честь поэта.

Долгие годы в музее работала заведующей экспозиционным отделом Татьяна Кузьминична Галушка, член Союза писателей СССР. У нее есть строчка: «Есть признак места, выраженный болью». Эти слова я бы повторила вслед за Татьяной Кузьминичной. **Когда б не смутное влеченье Чего-то жаждущей души, Я здесь остался б**

наслажденье в неведомой тиши: Забыл бы всех желаний трепет, Мечтою б целый мир назвал — И все бы слушал этот лепет, Все б эти ножки целовал...

Монолог первый
(окончание)

— Дни будничные летят незаметно, а вот две эти даты — 6 июня и 10 февраля — существуют всегда, к ним готовишься, готовишься долго, ждешь их, чтобы почувствовать себя ближе к Пушкину, обратиться к нему. В эту пору сюда приходят люди, по которым так тоскую я. Они не могут попасть в музей, потому что он не безразмерен. Они должны стоять во дворе. В то же время те, кто протаптывает ту самую «великую тропу», эти люди с «именами» должны быть здесь, внутри, им требуется разослать специальные приглашения билеты. От этого никуда не деться. Не хочу сказать, что все пригласительные недостойны быть здесь 10 февраля. Но, к сожалению, очень многие из тех, кому действительно необходимо быть здесь, не попадают. И это страшно огорчает. Вот сейчас мы составляли списки приглашенных. Писали, переписывали. Господи боже мой — давайте откроем двери и впустим всех. Но это невозможно, увы...

Монолог второй
(окончание)

— В памяти дни всегда по-

ражаешься, как много приходит в музей детей — и 6 июня, и 10 февраля. Приходят, держась за взрослых. Однажды из ближнего детского сада воспитательница привела совсем еще крохотных ребят. Они стояли возле памятника, воспитательница рассказывала им что-то о Пушкине, читала стихи, а затем каждый из малышей положил к подножию по цветочку. Как это волнует и трогает, когда ежегодно 10 февраля наш двор заполняется множеством людей, мужчины стоят с непокрытыми головами и — цветы, множество цветов... Вот это и есть всенародная любовь, когда каждый приносит сюда свое, очень личное отношение к Пушкину, и рождается некое духовное единение. Любовь всенародная или личная — какое это имеет зна-

чение? Когда есть Пушкин. Когда без него было бы просто худо.

Виталий АНДРЕЕВ.
ЛЕНИНГРАД — ТАЛЛИНН.

10.11.90

Гетони А.С.